

Бондаренко Ю.Я.

**БАХТИН М. И ПРОБЛЕМА
ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ**

Бондаренко Ю.Я.

**Бахтин М. и проблема
диалога в контексте
истории культуры**

г. Костанай, 2015

УДК 303.446.2

ББК 71.1

Б81

Рецензенты:

Рубинштейн Е.Б., доктор исторических наук

Колдыбаев С.А., доктор философских наук

Кунгурова О.Г., кандидат филологических наук.

Бондаренко Ю.Я.

Б81 Бахтин М. и проблема диалога в контексте истории культуры /
Ю.Я. Бондаренко. – г. Костанай, 2015 г. – 39 с.

ISBN 978-601-7551-37-7

Работа посвящена рассмотрению проблемы диалога в творчестве М.М.Бахтина, всемирно известного мыслителя, культуролога, литературоведа, часть творческой деятельности которого волею истории была связана с городом Кустанаем. Работа предназначена для преподавателей, студентов и всех интересующихся творчеством М.М.Бахтина и историей живой человеческой мысли.

УДК 303.446.2

ББК 71.1

ISBN 978-601-7551-37-7

© Ю.Я. Бондаренко, 2015

4 ноября (ст. ст.) 2015 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина, всемирно известного исследователя, чья жизнь более, чем на шесть лет оказалась связанной с северо-казахстанским городом Кустанаем. В конце марта 1930 года он вместе с супругой выехал в Кустанай (ныне Костанай) в ссылку, закончившуюся в июле 1934 года, после чего еще свыше двух лет, вплоть до начала сентября 1936 г. М.Бахтин оставался в Костанае. Именно в эти годы Бахтин трудился «над большим трудом «Слово в романе» (1, сс.413 – 414), впервые опубликованном уже после его смерти в книге «Вопросы литературы и эстетики»(2)

Официально же в Кустанае Бахтин, согласно его автобиографии, жил «с 1931-го по 1936 год... работал преподавателем в Казинституте, Казпедтехникуме и экономистом в райпотребсоюзе. Здесь, - продолжает он, - мною была произведена исследовательская работа по изучению спроса и покупательской способности колхозного сектора, опубликованная в журнале «Советская торговля и удостоенная отзыва Комкадемии». (3, с.30) «К сожалению, – добавляет цитирующий эти строки профессор Дм.М.Легкий, работа Бахтина в Кустанае... для нас еще не раскрытая страница, но поиск продолжается» (3, с.30).

Поэтому не случайно именно в начале ноября этого же (2015-го) года в Костанайской областной библиотеке им. Л.Н.Толстого состоялся посвященный его памяти круглый стол, на котором самое живое участие приняли, как ученые, так и студенты и все, интересующиеся вопросами культуры и творчеством Бахтина, человека и ученого, чья личность до сих пор вызывает жаркие споры. Достаточно заметить, что полемику рождает уже вопрос о том, к кому же отнести Бахтина – к философам или литературоведам.

Что касается философии, то, казалось бы, здесь Бахтина притягивают к ней несколько произвольно. И в самом деле, ни в «Философском энциклопедическом словаре» (Первое издание – 1983 г.), ни в масштабной и содержательной пятитомной советской «Философской энциклопедии» Бахтин не упомянут. И даже в более поздних, постсоветских энциклопедических философских изданиях читатель может не встретить имени М.М.Бахтина, пример чего – «Краткая философская энциклопедия» (М.: Прогресс, 1994)

А в литературоведении? «Кто он: литературовед, «специалист», в некоторой области гуманитарного образования?» (1, с.93)

Но и здесь не все просто. Для ряда исследователей его понятия не достаточно четки. И как же быть тогда с наукой?

Но, если углубиться, то никаких серьезных противоречий здесь нет. Кажущаяся противоречивость и видимые несоответствия строго определенным требованиям «науки» порождены самой спецификой той деятельности, которой посвятил себя М.М.Бахтин. Деятельности, где литературоведение срастается с основами культурологии и философией как таковой. С той сферой, где сам характер работы исследователя требует учета и гибкости понятийного аппарата, и его текучести, связанной с контекстом и особенностями изучаемого предмета, что, в частности, красноречиво подтверждено в современной «Общей методологии мышления», где внимание акцентируется на том, что «Вербальное определение должно быть согласовано с контекстуальным определением» (4, с.27) Положение, обретающее особую значимость в уже наши дни.

Той же позиции придерживался и Бахтин, полагавший, что научные понятия могут быть использованы в строго определенном смысле лишь в соответствующем контексте. При измене-

нии же контекста мы видим и текучесть, смысловую изменчивость самих понятий.

Более того, Бахтин, исходя из собственного видения диалога и его места, как в собственно художественной культуре, так и культуре в целом, выводит различие точных и гуманитарных наук. «Точные науки, - пишет он, - это монологические формы знания: *интеллект* созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся) Ему противостоит только *безгласная вещь*. Любой объект знания (в том числе и человек) может быть воспринят и познан, как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться, как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим...»

И дальше – пунктиром, краткими фразами, сжатыми, как пружины, еще не развернувшихся смыслов, как коконы, таящие в себе возможность масштабных исследований: «...активность познающего другого субъекта, то есть *диалогическая* активность познающего, диалогическая активность познаваемого субъекта и ее степени. Вещь и личность (субъект), как *пределы* познания. Встреча. Оценка, как необходимый момент диалогического познания.

Гуманитарные науки – науки о духе – филологические науки (как часть и в то же время общее для них всех – слово)» (5, с.363)

И при этом очень важна «проблема границ текста и контекста. Каждое слово (каждый знак текста) выходит за его пределы».

А каково же здесь место философии? – «Она начинается там, где кончается точная научность и начинается инонаучность. Ее можно определить, как метаязык всех наук» (5, с.364).

При таком понимании, при таком ощущении философии Бахтин, конечно же, и сам должен быть отнесен не только к литературоведам, но и философам, ибо инаочность философии в самой текучести и необъятности живого, требующего и соответствующего подхода и к самому философскому языку. Ведь при всем многообразии направлений на протяжении всей мировой истории философия (помимо возможного прочего) - это еще и полет над пропастью неизведанного и неохватываемого сетями уже понятого. Она вольно или невольно начинается там, где нет возможности строить прочные мосты познания из выверенных фактов, которые, словно ходы в отточенном десятилетиями дебюте шахматной партии, жестко скреплены цепями умозаключений, основанных на четко и при этом узко определенных значениях слов.

Не случайно Сергей Аверинцев в своем очерке «Личность и талант ученого», отвечая на поставленный им самим же вопрос, пишет, что, конечно же, Бахтин в своей сфере не дилетант и, следовательно, специалист. Но лишь в этом смысле слова. «В остальном же, - размышляет Аверинцев, - язык не повернется назвать его «специалистом», ибо «специалист» в Бахтине никогда не выходил из подчинения суверенитету Бахтина-мыслителя, умеющего неизменно держать в уме целое и брать частное в его осмысливающем отношении к целому, ни на миг не льстясь на урезанный, упрощенный, сокращенный образ мира» (1, сс.93 -94).

Таким образом, для Михаила Михайловича принципиально значимы многоголосье, полифоничность мира культуры, органическая взаимосвязь и перетекание, вплоть до перевертывания одного в другое, что очень тонко и рельефно демонстрируют бахтинские исследования и смеховой культуры (6), и творчества Достоевского (7) (2, сс.484 - 495 - Рабле и Гоголь).

Но отвлечемся на некоторое время от самого Бахтина и попытаемся взглянуть на диалог в его историческом развитии, акцентировав внимание на некоторых моментах его истории. Естественно, в ограниченной по размеру статье этот взгляд будет в определенной мере поверхностным, но, представляется, что именно такой подход поможет нам полнее высветить, то значимое, что дал для исследования мировой культуры именно Бахтин.

Естественно, было бы уместно обратить внимание на сущность и задачи диалога, который в современном русском языке понимается, как разговор между двумя или несколькими лицами. Тут возможен подход, при котором главным в диалоге усматривается способность услышать *другого*, *соучаствовать* в движении его чувств и мысли, что, в свою очередь способно привести к взаимопониманию и тому, что в годы Перестройки именовалось популярным словом «консенсус». Вполне понятно, что и такой диалог очень значим. Но исторически он представляется лишь одной из красок на многоцветной палитре реального многообразия диалогических систем и подсистем.

Поэтому начнем с вопроса о том, что же стояло у истоков диалога, как философски-художественного и социально-исторического феномена? – Вопрос непростой. Ведь древнейшие философские и религиозно-философские произведения, священные книги видятся нам, в первую очередь, отполированными алмазами афоризмов, четких суждений и нравственных установок.

Но, во-первых, это, возможно, в значительнейшей мере связано с аберрацией, искажением видимого и фрагментарностью сохранившихся текстов. Причем фрагментарностью, по крайней мере, двойной, обусловленной, как просто безвозвратной утратой множества целостных текстов, так и тем, что,

будучи живыми явлениями, эти тексты, как и наша нынешняя живая речь, сопряжены с массой недоговоренностей, с непроизнесением того, что с полуслова понятно представителям одной культуры, но туманно или совершенно неясно для тех, кто взращен в иных культурных традициях. Один из наглядных примеров, старорусские выражения «И мы не шилом...», и его аналог «и мы не лаптем...» Когда их даешь в таком урезанном виде сегодняшним русскоязычным студентам Северного Казахстана и предлагаешь завершить фразы, то, как правило, такое задание вызывает серьезные затруднения, хотя любой крестьянин прошлого столетия мог бы завершить их без труда: «И мы не шилом бриты», и «И мы не лаптем щи хлебаем», то есть и мы чего-то стоим.

Во-вторых же, (а это второе вытекает из первого) такое ощущение отчасти коренится в плоскостном, однобоком видении древнейшей философии, как антологий отчеканенных формул, появление которых обусловлено самим характером мышления древних.

Не отрицая своеобычности такого мышления, все же хотелось бы обратить внимание на то, что в афоризмах, постулатах и аксиомах древних мы, по существу, встречаем ответы на мучившие их вопросы, то есть фрагменты невидимых в своем целостном виде систем: ситуация-проблема – вопрос – поиски ответа – ответ.

Таким образом, можно предположить, что древнейшая форма диалога, как литературно-художественного и философского, а чаще - религиозно-философского явления – это система вопросов и ответов. Об этом красноречиво свидетельствуют многие из сохранившихся памятников древней культуры. Прикоснемся к Атхарваведе – памятнику древнеиндийской религиозной философии. Здесь рассуждения о первоначале мира заполнены целой чередой вопросов:

«Кто создал пятки Пуруши? (Первосущество – автор). Кто – мясо?..

... Сколько богов?

Страдания, нужда, гибель, незнание – откуда они у Пуруши? Успех, благо, богатство, знание – откуда?» (8, сс.290- 291)

Перед нами те вопросы, без которых не было бы ни родившихся со временем отчеканенных афоризмов и даже догм, ибо и последние – составляющие единой системы, упрощенно говоря подобной системе Вед и Веданте, когда Упанишады (буквально «Сидящие около») являют собой разъяснения Вед ученикам, сидящим у ног учителей. И в этих ответах, хотя и застывающая, но *вторая* часть диалога, разворачивающегося во времени и пространстве.

Аналогичны по самому способу движения мысли, по своей глубинной диалогичности и вопросы-ответы, связываемые традицией с именем первого из семи древнегреческих мудрецов – Фалеса. Но здесь ответы следуют непосредственно за вопросами, такими, как «Что быстрее всего? (Ум, он обегает все)», либо «Что легко? - Давать советы другим» и «Что трудно? – Познать самого себя» (9, Т.1, с.36)

Но здесь система «вопрос- ответ» по своему замкнута. Хотя ответ и предполагает предшествующий ему вопрос, однако он являет нам остроумное и уже готовое решение задачи.

Примыкающий же к первому и прорастающий из него второй вид диалога – это совместный поиск ответов и возможное попутное разоблачение псевдознания и необоснованной самоуверенности, разновидностью которого оказываются беседы, в которые вступает Сократ, использовавший, говоря языком учебников, майевтику (родовспоможение) и иронию. Иными словами, он не давал готовые ответы, а подобно матери-повитухе или акушерке лишь помогал собеседнику самому «родить» соответствующие выводы. Такой диалог замечателен

тем, что он демонстрирует движение мысли по извилистым тропам логики, ассоциаций и образов.

Блистательные примеры таких диалогов мы встречаем уже в разговорах Сократа с учениками и софистами. Один из них – беседа с широко известным среди платных учителей мудрости софистом, именовавшимся Гиппий Большой. «Ты, Гиппий, - говорит Сократ, - приводишь прекрасное доказательство мудрости и своей собственной, и, вообще, нынешних людей, насколько же они отличаются от древних! С Анаксагором произошло, говорят, обратное тому, что случается с вами: ему достались по наследству большие деньги, а он по беззаботности все потерял – вот каким неразумным мудрецом он был! Да и об остальных, живших в старину, рассказывали подобные вещи. Итак, мне кажется, ты приводишь прекрасное доказательство мудрости нынешних людей по сравнению с прежними. Многие согласны в том, что мудрец должен быть, прежде всего, мудрым для себя самого. Определяется же это так: мудр тот, кто заработал больше денег»...

Но дальнейший ход разговора убеждает читателя, что не все так просто, потому что, когда Сократ задает, вроде бы простейший вопрос: а что такое прекрасное, и Гиппий отвечает, что, конечно же, это – девушка, то наталкивается на уже следующий вопрос: «Ну а разве прекрасная кобылица ... не есть прекрасное?» Тем самым в итоге обнаруживается, что платный учитель мудрости далеко не так уж искушен в философствовании, как это кажется на первый взгляд (10, с.388)

Третий вид диалога прорастает из первого и второго и являет собой веер вариантов задач, которые Судьба либо Некто ставит перед героем, задач, от решения которых зависят успех, участь, а то и сама жизнь героя.

Так в сказках самых разных народов мира герои должны выполнять невероятные по сложности и риску задания, которые

зачастую требуют не только мужества и силы, но и хитрости и смекалки: «принести то, не знаю что» и т.д., и т.п. либо рассмешить царевну Несмеяну, всякий раз демонстрируя неожиданность, нестандартность решения. К примеру, в скандинавской мифологии шkodливый полувеликан Локи, в будущем виновник многих бед живущих, выручает братьев от мести Скади, дочери погибшего великана, одним из условий которой было требование ее рассмешить. Он смешит ее тем, что привязывает к своим гениталиям козлиную бороду (11, с.68). Метод, прямо скажем, необычный, но оказавшийся действенным.

Другой пример, судьбоносных заданий – суд Соломона, перед лицом которого спорили две женщины, каждая из которых утверждала, что ребенок, из-за которого они спорят, принадлежит ей.

Знаменательно, что такие задания, равно как и иные остроумные реплики, требующие необычности подходов, а то и игры словами, перетекают из сюжета в сюжет, из жизнеописания в жизнеописание. Так, хорошо известно жизнеописание Эзопа, в котором раб помогает своему хозяину философу Ксанфу, сделать невыполнимым выполнение обещания выпить море, обещания, которое бедняга философ умудрился дать спьяну (12, с.79). Не зря же говорят: «Пьяному море по колено». Но, куда менее известно, что аналогичная проблема ставится в «Пире мудрецов» Плутарха, где именитый философ Биант получает грамоту от египетского царя, в которой тот просит философа о помощи: «Со мною, – пишет он, соревнуется в мудрости эфиопский царь, и хоть я его во всем превзошел, однако напоследок задал он мне задачу странную и нелепую: Выпить море! Если я разрешу ее, то получу от него много деревень и городов; если не разрешу, то должен уступить ему города при Элефантине. Размысли же об этом и точно уведоми меня...» Биант же